

ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ ¹⁾.

6.

Для древняго египтянина, какъ и для другихъ людей древняго міра, религія не была теоріею, которая имѣется про запасъ и о которой вспоминають при случаѣ. Вся его жизнь была выраженіемъ его вѣрованій. Онъ отдавалъ много времени, силъ и средствъ на служеніе богамъ и онъ не дѣлалъ ничего для себя, не призывая боговъ. Египетская религія имѣла богатый и сложный культъ и по оставшимся слѣдамъ этого культа собственно ее и возстановляютъ и выясняютъ теперь. Когда египтяне начали строить своимъ богамъ храмы, вопросъ этотъ остается открытымъ. Отъ мемфисскаго періода не осталось несомнѣнныхъ слѣдовъ существованія храмовъ. Но отсюда нельзя дѣлать заключенія къ ихъ несуществованію въ эту эпоху. Очень можетъ быть, что тогда египтяне воздвигали деревянные храмы. Древесная растительность была тогда гораздо богаче въ Египтѣ, въ послѣдствіи строевой дѣсь былъ вытѣсненъ изъ нильской долины развившимся земледѣіемъ. Затѣмъ болѣе роскошныя постройки послѣдующаго времени, когда египтяне стали свободно эксплуатировать алебастръ и гранитъ, могли легко вытѣснить скромныя зданія первой эпохи. Отъ времени четвертой династіи Мариеттомъ въ 1853 г. найдены остатки зданія, относительно котораго онъ и многіе другіе склоняются къ мысли, что оно было храмомъ. Къ юго-западу отъ

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣстн., Февраль стр. 189—222

Каира у подножія громаднаго сфинкса въ песокъ Мариеттъ разрылъ зданіе „въ варварскомъ стилѣ“ изъ алебастра и розоваго гранита. Въ основаніи оно было почти квадратнымъ. Съ южной стороны (близко къ западу) во внутренности зданія вель узкій корридоръ, въ серединѣ этого корридора на право имѣется небольшая комната, налѣво лестница, ведущая на террасу, далѣе корридоръ вводитъ въ большую залу, имѣющую форму буквы Т, поддерживавшуюся колоннами въ формѣ параллельника, съ восточной стороны. Нѣсколько узкихъ комнатъ корридоромъ, т. оріентированъ съ сѣвера на югъ, на сѣверѣ корридоръ соединяетъ его еще съ узкою залой, къ которой прилегаютъ сѣверная стѣна зданія. Судя по плану, каждая сторона зданія была болѣе 15 и менѣе 20 сажень. Мариеттъ нашелъ здѣсь глубокій колодезь, засыпанный пескомъ, девять разбитыхъ статуй Хефрена (въ разныхъ возрастахъ) и нѣсколько каменныхъ фигуръ павіановъ. Громадный сфинскъ (одичествованіе Гора) наводитъ на мысль, что это зданіе было храмомъ, но съ другой стороны статуи Хефрена и планъ зданія, сходный и только немного превосходящій размѣры нѣкоторыхъ гробовъ, дѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что это была гробница. Несомнѣнные остатки храмовъ къ намъ идутъ, начиная съ двѣнадцатой династии. Особенно такими остатками богатъ западный берегъ стовратныхъ сивъ. Здѣсь находятся развалины карнакскаго храма, отъ котораго сохранились колонны, одинъ обелискъ въ разбитомъ видѣ и одинъ въ цѣломъ (obeliski символизировали собою солнечные лучи, имѣли видъ четырехугольныхъ сверху суживавшихся и кончавшихся заостреніемъ столбовъ, изсѣкались болѣею частью изъ гранитнаго монолита, неписывались іероглифами, но египетски назывались „техами“). Общій типъ египетскаго храма, какъ объ этомъ позволяютъ судить остатки таковыхъ, былъ слѣдующій. „Своимъ входомъ храмъ былъ обращенъ къ востоку или что тоже къ Нилу, такъ какъ храмы, какъ и кладбища, строились на западной сторонѣ Нила. Для храмовъ прежде всего воздвигали громадную кирпичную платформу, имѣющую видъ продолговатаго параллелограмма. На платформѣ съ трехъ сторонъ западной, сѣверной и южной—воздвигали каменные стѣны нѣсколько наклоненныя внутрь, что придавало храму видъ усѣченной пирамиды. Ко входу въ храмъ

Зала обыкновенно длинная аллея гранитных сфинксовъ или барановъ, она доводила до двухъ башенъ пилоновъ, между которыми открывался входъ во храмъ. Пилоны были расписаны живописью и иероглифами, вверху ихъ были сдѣланы отверстія для помѣщенія мачтъ съ узкими флагами въ праздничные дни. Надъ дверью между пилонами помѣщалось изображеніе крылатого солнечнаго диска, около котораго изображались двѣ змѣи (уаеі). Это — знакъ Озириса, онъ помѣщался надъ всѣми дверьми вѣн и внутри храма. Черезъ дверь между пилонами посетитель не вступалъ еще прямо въ храмъ, предъ нимъ открывался длинный дворъ имѣвшій съ трехъ сторонъ крытыя галлереи на колоннахъ, за этимъ дворомъ иногда шелъ другой подобный же. Далѣе открывалась обширная зала, ея каменный потолокъ поддерживался колоннами, средняя часть залы была выше прочихъ и въ ея возвышающемся куполѣ прорубались четырехугольныя отверстія, свѣтъ проникавшій черезъ которыя и освѣщала залу. Эта зала называлась „залой проявленія“. Сюда въ торжественные дни выносили для поклоненія върующимъ святили храма или ковчегъ, содержавшій въ себѣ статую Бога. Ковчегъ имѣлъ форму лодки (барі). Всего вѣроятнѣе, что эта форма указывала на лодку Ра, вообще на солнечную лодку, въ которой божество объѣзжаетъ міръ. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ этой лодкѣ указаніе на лодку Изиды, въ которой она плавала по Нилу, отыскивая тѣло Озириса, но это—случайное событіе, съ которымъ не связывается представленіе объ участіи въ немъ всѣхъ божествъ. За залой проявленія обыкновенно находилась другая подобная же зала меньшихъ размѣровъ. Склоняются къ мнѣнію, что она служила для той-же цѣли, какъ и первая, но только въ менѣе торжественныхъ случаяхъ. Корридоры и комнаты вели изъ названныхъ залъ во святилище. Это—сравнительно небольшая, низкая и совершенно темная комната, въ которой помѣщались статуя бога, обыкновенно роскошно одѣтая, ковчегъ (барі), вообще святилищ. Къ святилищу вели еще корридоры и комнаты, въ которыхъ по всей вѣроятности помѣщались принадлежности культа. При храмахъ устранивались помѣщенія для священныхъ животныхъ, имѣлись отдѣленія прорицательницъ. Жрецы не жили въ храмахъ, ихъ дома обыкновенно устранились около. Аллеи сфинксовъ и

двери и самъ храмъ постепенно суживались по направленію къ святилищу такъ, что храмъ являлся чѣмъ то въ родѣ равнобедреннаго треугольника обращеннаго основаніемъ къ Нилу. Стѣны, потолки храмовъ, колонны, статуи, все обыкновенно покрывалось изображеніями и іероглифическими надписями. На капителяхъ колоннъ часто вырубалось лицо богини Гаторъ (четыре лица на одной капители). Въ надписяхъ говорилось о богатѣхъ и героическихъ подвигахъ фараоновъ. Были храмы и болѣе простаго устройства. Таковыя находятъ по верхнему теченію Нила. Были храмы цѣликомъ или на половину высѣченныя въ скалахъ. Они назывались снессами и полуснессами.

Предметомъ такихъ же, а часто и большихъ заботъ, чѣмъ храмъ, служили гробницы. Онѣ имѣли нѣсколько типовъ. Важнѣйшій и извѣстнѣйшій изъ нихъ суть пирамиды. Это—сооруженія, имѣвшія квадратное основаніе и четыре трехугольныя боковыя поверхности, относительно которыхъ доселѣ неизвѣстно представляли-ли они въ своемъ верхнемъ окончаніи четырехгранный уголъ или они не доводились до такой высоты и оканчивались площадкой. Т. е. мы не знаемъ, были ли пирамиды полными или усѣченными, такъ какъ теперь онѣ существуютъ только въ усѣченномъ состояніи. Къ предположенію, что онѣ были полными ведетъ то обстоятельство, что въ саркофагахъ послѣдующаго времени, когда уже не было пирамидъ, находятъ около мумій маленькія пирамидки вполне соответствующія геометрическому опредѣленію четырехгранной пирамиды. Полагаютъ, что исторически пирамиды смѣнили собою могильныя курганы, подобныя которымъ находятся и въ Россіи. Но процессъ смѣны вторыхъ первыми не выясненъ и неизвѣстенъ. Самая высочайшая изъ пирамидъ—хеопова. Хотя она теперь и уменьшилась, однако имѣетъ высоты болѣе 65 сажень и каждая изъ сторонъ ея квадратнаго основанія имѣетъ около 110 сажень. Мѣсто погребенія мумій въ пирамидахъ обыкновенно тщательно закрывалось и замаскировывалось. Одною изъ причинъ этого можетъ быть было то, чтобы спасти мумію отъ разграбленія и уничтоженія и не только отъ людей, но и отъ стихій. Комнату, гдѣ погребалась мумія, замуровывали герметически, чтобы не допускать доступа свѣжаго воздуха, сырости. Съ муміей клали амулеты, скарабей, украшенія, фи-

гурки боговъ, книгу мертвыхъ. Самую мумію въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя эпохи погребали различно. Въ пирамидахъ проводилось много корридоровъ и камеръ. Но кромѣ мѣста погребенія еще важное значеніе имѣла камера, въ которой помѣщались портретныя статуи усопшаго. Не только съ статуями боговъ египтяне соединяли представленіе, что между ними и богами существуетъ связь и что чрезъ нихъ дѣйствуетъ божественная сила, но они тоже самое думали и о статуяхъ людей. Имъ казалось, что между статуей усопшаго и его душою есть какая-то таинственная связь, и что еслибы мумія усопшаго, обуславливающая нѣкоторымъ образомъ существованіе двойника, погибла, то тогда статуя могла бы въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнить мумію и поддерживать существованіе души усопшаго. Далѣе при гробницахъ или около нихъ помѣщались поминальные покои. Въ нихъ находилась покрытая іероглифами погребальная стѣла, надпись на которой говорили объ общественномъ и имущественномъ положеніи покойника. Въ поминальномъ покоѣ находился жертвенникъ, на который клалась приносимые дары. Доступъ въ поминальный покой былъ открытъ. Иногда этотъ покой устраивался отдѣльно отъ пирамидъ. Не все пирамиды были строгими копіями указаннаго образа, но все онѣ незначительно варіировали сравнительно съ нимъ. Пирамиды были прежде всего усыпальницами царей. Сохранились пирамиды уже отъ второй династіи, но обычай воздвигать ихъ не просуществовалъ во все время существованія Египта: въ эпоху новаго царства фараоны прекратили обычай воздвигать себѣ эти грандіозныя памятники. Другія египетскія гробницы представляютъ два основныхъ типа: одніе высѣчены въ скалахъ, другія сложены изъ камня на поверхности земли. Последнія получили отъ арабовъ имя „мастаба“. Онѣ представляютъ собою усѣченную пирамиду съ продолговатымъ четырехугольнымъ основаніемъ, которому отвѣчаетъ совершенно подобная, но только меньшихъ размѣровъ платформа на верху. Въ мастабѣ необходимо были поминальный покой и камера съ статуями покойника (называлась сердобъ); мумія покойника помѣщалась въ подземномъ склепѣ обыкновенно подъ поминальнымъ покоемъ. Спускали ее черезъ отверстіе въ верхней платформѣ, устроенъ какъ бы нѣчто въ родѣ колодца, и затѣмъ въ поминальномъ покоѣ отверстіе, ведущее

въ подземной склепѣ, за дѣлывали такъ тщательно, что его трудно было найти.

Въ храмахъ должно было служить и въ гробницахъ хоронить по выработаннымъ вѣками ритуаламъ. Исполнителями и руководителями въ дѣлѣ исполненія этихъ ритуаловъ были жрецы. Образование вообще въ Египтѣ было достояніемъ канцелярскихъ чиновниковъ и жрецовъ, но послѣднихъ преимущественно, они назывались *реху хету*—познавшіе вещи „премудрые“ Библин, *іероурациетейс*. Въ исторіи жреческаго института должно различать два періода, изъ которыхъ смѣна перваго вторымъ можетъ быть совершалась съ неуволимой постепенностью, но которые въ своемъ высшемъ развитіи рѣзко различаются между собою. Въ первый періодъ кромѣ жрецовъ профессиональныхъ существовали еще, такъ сказать, жрецы добровольцы. Знатные и богатые люди считали честью служить богу своей области въ качествѣ жреца, знатныя и богатыя женщины охотно выступали въ качествѣ жриць богинь Гаторъ или Нейтъ. Но съ теченіемъ времени профессионалисты все болѣе и болѣе отбѣсняли добровольцевъ и затѣмъ, вытѣснивъ ихъ изъ храма, сами перешли въ наступленіе и начали занимать свѣтскіе должности. Жрецы имѣли различныя ранги и въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ жреческая іерархія имѣла различное устройство. Были спеціальныя жрецы, на которыхъ лежала забота объ одеждахъ статуи и изображеніи боговъ. Они должны были ежедневно одѣвать и раздѣвать статую бога, кормить ее при каждомъ и произнесеніи установленныхъ формулъ. Были жрецы, на обязанности которыхъ лежало приготовленіе и совершеніе жертвъ. Въ религиозныхъ церемоніяхъ они являлись съ принадлежностями жертвеннаго культа и съ мѣрой пшеницы и жертвенной чашей въ рукахъ. Были жрецы, которые хранили священные предметы и при церемоніяхъ носили ковчеги съ изображеніями боговъ и религиозные символы. Были жрецы анатомы, жрецы исполнявшіе погребальныя обязанности, были астрологи, были жрецы-пѣвицы, были и пѣвицы, были особы жрицы, которыя трактовались, какъ жены боговъ. Ихъ называли „гаремомъ“ бога. Въ храмахъ для нихъ были спальныя комнаты, въ которыхъ они должны были проводить ночь. Извѣстны нѣкоторыя наименованія жрецовъ: *уэбъ*—

чистые, гор-гебъ—чтецы, гон-нутерь—рабы божіи. Гер-гебъ трактовались, какъ умѣвшіе читать божественное слово, какъ служители Тота и владѣвшіе знаніемъ заклинаній. Они легко приобрѣли себѣ репутацію маговъ. Въ храмѣ Амона-Ра жрецы назывались пророками. Были жрецы и пророки разныхъ ранговъ. Верховный пророкъ Амона-Ра былъ религіознымъ главою Египта. Хотя жрецы образовали собою касту, однако жреческія достоинства не передавались непосредственно по наслѣдству. Жрецъ долженъ былъ проходить іерархію должностей. Болѣе была наслѣдственна жреческая специальность, чѣмъ жреческое достоинство: сынъ чтеца становился чтецомъ и сынъ анатома — анатомомъ. У жрецовъ было много отличій, характеризировавшихъ ихъ профессию, и привилегій, показывавшихъ, что эта профессія считалась въ Египтѣ въ высшей степени почтенною. „Жрецы боговъ въ другихъ мѣстахъ, говоритъ Геродотъ, носятъ длинные волосы, а въ Египтѣ они стригутся.... Будучи самыми религіозными изъ всѣхъ людей, они исполняютъ слѣдующіе обряды. Пьютъ изъ мѣдныхъ чашъ, ополаскивая ихъ ежедневно; причемъ это дѣлаютъ всѣ, а не нѣкоторые только: носятъ льняныя одежды всегда чистыя, о чемъ особенно заботятся: крайнюю плоть обрѣзываютъ такъ же ради чистоты и вообще предпочитаютъ опрятность красотѣ. Жрецы черезъ каждые три дня стригутъ волосы на всемъ тѣлѣ, чтобы у нихъ не было ни паразитовъ, ни другой какой-либо нечистоты, когда они служатъ богамъ: жрецы носятъ исключительно льняную одежду и обувь изъ коры папируса; иной одежды и иной обуви имъ не дозволено носить. Они моются въ холодной водѣ два раза днемъ и два раза ночью; вообще можно сказать, что они исполняютъ безчисленное множество разныхъ обрядовъ, однако они обладаютъ и немалыми преимуществами. Изъ собственныхъ средствъ они ничего не тратятъ и не издерживаютъ: у нихъ бываетъ всегда много священныхъ припасовъ такъ, что каждому ежедневно достается большое количество бычьяго и иного мяса; для нихъ позволено и виноградное вино, но рыбу не позволено употреблять въ пищу. Египтяне вовсе не сѣютъ бобовъ, и хотя эти послѣдніе растутъ тамъ, ихъ не ѣдятъ ни сырыми, ни вареными: жрецы не хотятъ и смотрѣть на нихъ, считая овощи съ шелухой не-

чистыми. При каждомъ изъ боговъ жреческія обязанности исполняются не однимъ человѣкомъ, а нѣсколькими: изъ нихъ одинъ главный жрецъ; когда кто изъ нихъ умретъ, его мѣсто занимаетъ сынъ. (Герод. II, 36, 37). Жрецъ былъ хранителемъ священныхъ традицій и преданій, скромная одежда жрецовъ позднихъ эпохъ таже, что и ранняго времени, но сохраняя старые обычаи, жрецы непрестанно стремились пріобрѣтать новыя права и преимущества. Громадные доходы стекались въ храмы. Они составлялись изъ жертвенныхъ приношеній, добровольныхъ пожертвованій, но главнымъ образомъ ихъ доставляли завоеванія. Ко времени Рамзеса IV (приблизительно за 1200 л. до Родж. Хр.) матеріальное благополучіе храмовъ повидимому достигло наивысшей степени. Храмы владѣли 169 городами, изъ которыхъ девять было въ Сиріи и Эфиопіи, 113433 рабами обо-его пола, 493386 головами скота, 1071780 арурами земли, 514 виноградными удѣлами, 88 барками и морскими судами, 336 граммами золота въ издѣліяхъ и слиткахъ, 2993964 граммами серебра, громадными количествами мѣди и драгоценныхъ каменьевъ и сотнями магазиновъ, гдѣ складывались произведенія изъ областей—пшеница, масло, вино, медъ, мясо въ консервахъ. Каковы были эти складочныя мѣста, можно судить, напр., по даннымъ большаго папируса Гарриса, въ которомъ число живыхъ птицъ магазина обозначается восходящимъ до 680714, число сушеныхъ и копченыхъ рыбъ—до 494800. Амону принадлежала львиная доля изъ всего этого, изъ рабовъ, напр., на его часть приходилось 86486, т. е. три четверти.

Жрецы были служителями общественнаго культа. Но прежде всего у египтянъ былъ культъ личный. Всѣ свои личные начинанія и дѣйствія египтянинъ сообразовалъ съ волею боговъ и стихій, причемъ представленія объ этой волѣ его были грубо суевѣрными, а средства, которыми онъ стремился согласовать съ нею свое благополучіе заключались въ заклинаніяхъ, магическихъ дѣйствіяхъ, приспособленіяхъ къ счастливымъ и несчастнымъ днямъ. Египетскій календарь былъ мистическимъ руководствомъ, наставлявшимъ, въ какой день что можно и чего нельзя дѣлать. Годъ у египтянъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ по 30 дней каждый, значить имѣлъ 360 дней. Ошибки такого счисленія не за-

медлили обнаружиться Египтяне прибавили къ 12 мѣсяцамъ тринадцатый и о происхожденіи его составили такое сказаніе. Ра заклялъ Нуть такъ, что она не могла разрѣшиться дѣтми зачатаями ею отъ Себа ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ года. Тогда Тотъ, любившій богиню, сталъ играть въ кости съ луною и выигралъ у ней одну шестидесятую (точно—одну семьдесятъ вторую) часть каждаго дня, изъ чего составилъ пять дней и прибавилъ ихъ къ 360. Каждый день года у египтянъ былъ посвященъ или особымъ божествамъ или воспоминанію особыхъ событій или наприм., даже поминовенію умершихъ (5 прибавочныхъ дней посвящены воспоминанію рожденія Озириса, Гора, Сета, Пзиды и Нейты¹⁾). Каждый день былъ или счастливымъ или несчастнымъ. Вотъ—отрывокъ изъ египетскаго календаря. „4 тибі: добрый, добрый добрый (т. е. день). Чтобы ты ни увидѣлъ въ этотъ день, все будетъ счастливымъ. Кто родится въ этотъ день, умретъ старѣйшимъ изъ своихъ, онъ достигнетъ старости болѣе глубокой, чѣмъ его отецъ. 5 тибі: злой, злой, злой. Это день, въ который богиня Секкетъ, владычица двойнаго бѣлаго дворца, соягла вождей, которые возбуждали толпы, поднимались и шли (разумѣется,—противъ Ра. Рѣчь идетъ о возстаніи, которое кончилось истребленіемъ людей и удаленіемъ Ра на небо). Хлѣбныя жертвы Шу, Ита, Тоту, во-скурятъ фиміамъ Ра и богамъ его свиты—Ита, Тоту, Ху-Шу, въ этотъ день. Что бы ты ни увидѣлъ въ этотъ день, будетъ счастливымъ. 6 тибі: добрый, добрый добрый. Что ты ни увидишь въ этотъ день, будетъ счастливымъ 7 тибі: злой, злой злой. Не соединяйся съ женщиной въ присутствіи глаза Гора. Объ огнѣ находящемся въ твоемъ дому заботься, чтобы онъ не упасть. 8 тибі: добрый, добрый, добрый. Чтобы ты не увидѣлъ своимъ глазомъ въ этотъ день, девятерина боговъ поможетъ тебѣ, больной поправится. 9 тибі: добрый, добрый, добрый. Боги восклицаютъ отъ радости, въ полдень въ этотъ день приноси въ жертву различные пироги и свѣжіе хлѣбы, которые улаждаютъ сердце боговъ и усопшихъ. 10 тибі: злой, злой, злой. Не помѣщай

¹⁾ Египетскіе мѣсяцы: Тотъ (соответствуетъ нашему Сентябрю), Паоги Атиръ, Сеакъ, Тибі, Метиръ, Фаменотъ, Фармутій, Павонъ, Пайви, Энифи Мезори, дополнительные дни—Низи.

огня на травѣ въ этотъ день. Это день, въ который Соуху произвела пожаръ въ странѣ Буто (событіе неизвѣстно). 11 тиби: злой, злой, злой. Не приближайся ни къ какому пламени въ этотъ день, ибо Ра помѣстился въ пламени для того, чтобы поражать всѣхъ враговъ, и кто изъ нихъ приблизится въ этотъ день, тотъ не получитъ добра во всю свою жизнь. 12 тиби: злой, злой, злой: постарайся не видать крысы въ этотъ день и чтобы крысы не приблизились къ твоему дому. Это день, когда Сокхетъ даетъ опредѣленія. “Содержаніе календарныхъ изреченій вообще двояко. Одни изъ нихъ предписываютъ что-нибудь дѣлать или не дѣлать, другія просто утверждаютъ, что тотъ или иной день тѣмъ или другимъ лицамъ несетъ ту или иную судьбу. Такъ, кто родится 4, 5 или 6 Паоти, тотъ умретъ отъ болотной лихорадки, отъ любви или отъ пьянства. Родившійся 23 погибнетъ въ зубахъ крокодила, родившійся 27 будетъ загрызень и умерщвленъ змѣею. Но тѣ, которые родятся 9 или 29, доживутъ до глубокой старости и мирно сойдутъ въ гробъ почитаемые всѣми. Это-фаталистическія изреченія, а вотъ наставленія. 21 тотъ: не убивай быковъ; 22 тотъ: не ѣшь и не соли рыбы; 13 паоти: не ѣшь никакихъ овощей; 22 паоти; не купайся; 26 паоти; не начинай постройки дома; 19 атира: не выѣзжай на Нилъ; 21 Сеакъ: не ходи гулять. 28 Сеакъ: не ѣшь никакого воднаго животнаго; 24 тиби: пей медъ.

Во всѣхъ случайностяхъ и несчастіяхъ жизни человѣка должна охранять сила спасительныхъ заклинаній. Предносите-ли ему опасность отъ дикихъ звѣрей, онъ обращаетъ противъ нихъ такія формулы: „Явись сюда, властелинъ боговъ, удали отъ меня львовъ, появляющихся съ земли, и крокодиловъ, выходящихъ изъ рѣки, и всѣхъ кусающихъ тварей, выползающихъ изъ своихъ норъ. Прочь крокодилъ, мако, нечадіе Сета! Не бей своимъ хвостомъ, не потрясывай своими лапами, не раскрывай своей пасти! Да будетъ вода, которая предъ тобою, пылающимъ огнемъ: пусть копыя семидесяти семи боговъ выколятъ тебѣ глазъ, ты прикованъ къ большому рулю бога Ра. Будешь ты вдругъ прикованъ къ четыремъ металлическимъ крюкамъ, къ передней части корабля Ра. Стойте крокодилы, мако, нечадіе Сета, ибо я—Амонъ, оплодотворившій собственную мать“. Вотъ другое

заклинаише: „Не будь противъ меня. Я—Амонъ, я—Ангуръ, милостивый защитникъ, я великiй властитель силы, владыка меча, не подымайся на меня, я-Сеть. Не прикасайся ко мнѣ, я-Горъ. Вы, которые въ водѣ, не смѣйте выходить изъ ней, вы, которые вышли изъ воды, не смѣйте возвращаться въ воду: вы, которые остаетесь въ ней, должны выплыть наверхъ, какъ всплываютъ трупы на волнахъ. Ваша часть должна замкнуться такъ же, какъ замкнуты семь печатей вѣчности“. Въ одномъ позднѣйшемъ папирусе написанномъ уже по гречески, но несомнѣнно отражающемъ въ себѣ вѣрованiя эпохъ древнѣйшихъ, приводится слѣдующая формула, посредствомъ которой кольцо сообщается магическая сила „Я-Тотъ изобрѣтшiй и создавшiй цѣлебныя средства и письма. Приди ко мнѣ ты, живущiй надъ землею. Явись предо мною, великiй духъ“. Если я не буду знать всего, что таится въ душахъ, всѣхъ египтянъ, грековъ, спiрицевъ и эфиоповъ, всѣхъ народовъ и племень, если я не буду знать всего, что было и должно произойти, если я не получу объясненiя объ ихъ обычаяхъ, трудахъ и жизни, объ ихъ именахъ и именахъ ихъ отцевъ, матерей, сестеръ и друзей, а такъ же и именахъ умершихъ, то я волюю кровь чернаго въ ухо собаки, лежащей въ новомъ не употреблявшемся сосудѣ. Я положу это въ новый котелъ и сожгу вмѣстѣ съ костями Озириса; громкимъ голосомъ назову его, Озириса, который былъ въ рѣкѣ три дня и три ночи, который былъ вынесенъ въ море теченiемъ рѣки“. Хорошо, конечно, было знать заклинанiя и волю боговъ и силы стихiй самому, но лучше всего было пользоваться въ нужныхъ случаяхъ специалистомъ. Нужно ли чего-нибудь добиться или повредить кому-нибудь, должно было идти къ знахарю. Когда нужно было наказать врага, знахарь имѣлъ возможность тысячью способами осуществить это. Онъ преслѣдовалъ его страшными или обманчивыми свидѣнiями, тревожилъ таинственными голосами, дѣлалъ его добычею болѣзней, напускалъ на него блуждающихъ тѣней (духовъ), которые поселялись у него и угнетали его. Знахарь на разстоянiи могъ сокрушить и измѣнить волю людей, онъ могъ перемѣнить желанiя женщины и заставить ее бѣжать отъ того, что она любила, и полюбить то, что прежде внушало ей отвращенiе. Нѣсколько капель крови, обрѣзки ногтя или волосъ, лоскутокъ рубашки

бывшій въ сонрикосновеніи съ тѣломъ какого либо лица, были достаточны для спеціалиста, чтобы сдѣлать это лицо жертвою своихъ неотвратимыхъ чаръ. Кровь, волосы или что иное соединялось съ воскомъ, изъ котораго вылѣплялась фигура, представлявшая подобіе жертвы, и затѣмъ все то, что производилось надъ фигурою, отражалось на лицѣ. Изображенный долженъ былъ подвергнуться всему тому, чему подвергалось изображеніе. Изображеніе бросали въ огонь, изображенный долженъ былъ умереть отъ лихорадки. Изображеніе поражали ножомъ, изображенный мучился болѣзнью отъ раны. Магін можно было противопоставлять магію и чары, навѣянные однимъ, разсѣивать другой. Конечно магія безсильна предотвратить многое. Человѣкъ родившійся 27 паоти долженъ былъ умереть отъ укушенія змѣя. Судьбою могъ быть точно опредѣленъ день, въ который онъ долженъ умереть, но годъ оставался неопредѣленнымъ, и заклинатель силою своихъ чаръ могъ отодвигать его на возможно позднее время. Должно было охранять себя не только заклинаніями, но и амулетами и талисманами. Мы выше говорили объ изображеніи Гора—дитяти на крокодилахъ. Эта группа, гдѣ фигурируетъ богъ Бесъ, попираются крокодилы, душатся львы и змѣи, имѣла охранительное значеніе. Подобные талисманы ставились при входѣ въ комнату или домъ, маленькіе амулеты носились съ собою. Былъ и циклъ опредѣленныхъ обрядовъ моленій, омовеній, содержаніе въ домахъ священныхъ змѣй, былъ рядъ опредѣленій объ отношеніяхъ къ священнымъ животнымъ. Вообще вся жизнь египтянина была обставлена руководственно религіозными правилами. Но кромѣ этого онъ долженъ былъ принимать участіе въ общественномъ культѣ и затѣмъ особенные случаи въ его жизни требовали особыхъ священнодѣйствій совершавшихся жрецами.

Храмовыя и вообще общественныя богослуженія египтянь можно подраздѣлить, на нѣсколько типовъ: ежедневныя, праздничныя, мистеріи, по особеннымъ случаямъ. Ежедневныя храмовыя обряды извѣстны намъ лишь въ общихъ чертахъ. Обряды, видно, были строго разработаны; молитвы, изрѣченія, жесты, дѣйствія, все совершалось по строго опредѣленнымъ правиламъ. Каждый день требовалось вычистить и убрать достойнымъ образомъ жилище бога, облечь статую

бога въ достойныя одежды, предложить ему столъ. Трапеза бога обыкновенно убиралась цвѣтами. Все это—очистка храма, смѣна одежды, устройство стола представляло собою рядъ богослужебныхъ церемоній, которыхъ, наприм. въ Абидосѣ вмѣнялось въ обязанность жрецу совершать ежедневно 36, а въ Фивахъ даже 60. Вотъ, какъ въ Египтѣ совершались жертвоприношенія по повѣствованію Геродота: „Отмѣченное животное приводятъ къ алтарю, гдѣ слѣдуетъ принести жертву, зажигаютъ огонь и затѣмъ, совершивши около жертвы возліаніе на алтарь вина, причемъ взываютъ къ богу, закалываютъ животное и у него отрѣзаютъ голову. Туловище обдираютъ, а надъ головой совершаютъ длинное проклятіе и потомъ относятъ ее на рынокъ тамъ, гдѣ у нихъ бывають для торговли еллины, которымъ ее и продають, а тамъ гдѣ нѣтъ еллиновъ, голову бросають въ рѣку. Смысль проклятія, которое они произносятъ надъ головой, таковъ: если должно случиться какое нибудь несчастье съ нимъ-ли приносящимъ жертву или со всѣмъ Египтомъ, то пусть оно обратится на эту голову. Всѣ египтяне соблюдаютъ эти обычаи относительно жертвенныхъ головъ и возліанія вина одинаково при всѣхъ священныхъ животныхъ, и вслѣдствіе такого обыкновенія никогда египтянинъ не отвѣдываетъ головы какого либо животнаго. Способъ потрошенія и сожиганія жертвъ бываетъ различенъ при различныхъ священныхъ животныхъ“ (Гер. II, 39, 40). Праздничныя богослуженія, понятно, были торжественнѣе будничныхъ и опять таки имѣли различныя степени торжественности и притомъ были мѣстными или общими для всего Египта. Праздниковъ у египтянъ было очень много. Праздновались всѣ новолунія и каждый седьмой день недѣли (фазы луны), поднятіе воды въ Нилѣ, дни жатвы. Основной религіозной церемоніей праздниковъ было ношеніе статуи бога въ ковчегѣ (въ лодкѣ) вокругъ храма. Это ношеніе сопровождалось музыкой и пѣніемъ. Къ процессіи жрецовъ примыкали міряне, давшіе обѣтъ послужить чествуемому божеству. Иногда эти обѣты оказывались не безопасными. Такъ въ Пакремисѣ религіозное торжество въ честь Арея (полагаю, Себека, сына Нейтъ?) совершалось такимъ образомъ. „Когда солнце начинаетъ клониться къ западу, нѣкоторые жрецы бывають заняты около статуи; дру-

гіе въ большомъ числѣ съ деревянными палками въ рукахъ становится при входѣ въ храмъ. Наконецъ тѣ, которые хотятъ исполнить обѣты въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ также съ деревянными палками становятся противъ первыхъ. А статую заключенную въ маленькомъ деревянномъ позолоченномъ ковчегѣ переносятъ наканунѣ въ другое священное зданіе. Немногіе жрецы, оставшіеся около статуи, тащатъ четырехколесную колесницу, на которой стоитъ ковчегъ съ статуей. Жрецы находящіеся у дверей не пускаютъ ихъ. Тогда обязанные обѣтомъ бросаются на помощь богу, бьютъ ихъ, тѣ защищаются, происходитъ жестокой бой на палкахъ; они разбиваютъ другъ другу головы и, какъ я думаю, многіе даже умираютъ отъ ранъ, впрочемъ сами египтяне увѣряли, что никто не умираетъ. Это праздничное собраніе, какъ утверждаютъ туземцы, установлено по слѣдующему поводу. Мать Арея жила въ одномъ храмѣ. Арей, который былъ воспитанъ вдали отъ родителей, по достиженіи совершеннолѣтія пришелъ сюда, чтобы увидаться съ матерью, но слуги матери никогда прежде не выдавшіе его не пустили его, задержали. Тогда онъ, приведя съ собою людей изъ другого города, сурово поступилъ съ слугами и вошелъ къ матери. По этой то причинѣ, утверждаютъ они, и устраивается въ честь Арея драка на этомъ праздникѣ“ (Геродотъ, 11, 63, 64). Такимъ образомъ религіозныя церемоніи въ драматической формѣ представляли исторію учрежденія праздника. Иногда эти церемоніи и процессіи не ограничивались тѣсной территоріей около храма, но принимали видъ путешествія по Нилу. Такъ богиня Гаторъ посѣщала разъ въ годъ бога Гора въ Едфу. Такъ совершались паломничества по Нилу въ Бубастисъ, куда по свидѣтельству Геродота собиралось до 700000 человекъ. Подобныя религіозныя путешествія часто принимали оргическій характеръ. Родъ животныхъ и способъ принесенія ихъ въ жертву при различныхъ обстоятельствахъ и при чествованіи различныхъ боговъ были различными. Не приносили въ жертву коровъ, считая ихъ символомъ Изиды. Въ Фивахъ не приносили въ жертву барановъ, видя въ нихъ символъ Амона. Только разъ въ годъ въ честь этого бога заколался священный баранъ. Въ мендесскомъ округѣ почитали козъ и козловъ и не приносили ихъ въ

жертву ¹⁾. Свиней вообще считали нечистыми, но въ честь Изиды и Озириса ихъ приносили въ жертву и употребляли въ пищу каждое полнолуніе. Любопытна одна подробность въ этомъ обычаѣ. Бѣдные люди, не имѣвшіе свиней, вылѣпляли ихъ изъ гѣста, пекли и приносили въ жертву. Кому приходилось проводить Рождество въ современной Германіи, тотъ знаетъ, что обычаи вылѣплять и печь или покупать печеныхъ свиней въ этотъ праздникъ имѣетъ всеобщій характеръ. Были у египтянъ мистеріи. Въ настоящее время совершенно отвергнуто мнѣніе, что посвященные въ нихъ исповѣдывали какую-то высшую религію сравнительно съ другими — религію эсotericическую въ отличіе отъ экзotericической. Вѣрнѣе всего, что мистеріями прежде всего называлось истолкованіе обряда, каковое сообщалось только посвященнымъ. Въ то время какъ благочестивые люди въ Пакремисѣ дрались безъ всякой задней мысли, посвященные въ мистеріи находили смыслъ борьбы въ сказаніи о богѣ, котораго не пускали къ собственной матери. Простолудинъ принималъ, какъ фактъ, что у Изиды-голова коровы, посвященному въ мистеріи объясняли, что Горъ въ гнѣвъ на Изиду за то, что она отпустила Сета, отрубилъ ей голову, и Дути вмѣсто отрубленной приставилъ ей голову коровы. Такъ *aitiai* ритуала могли создать тайное преданіе, которое передовалось только посвященнымъ, какъ *ἕρως λόγος* объ Озирисѣ, Ра, Горѣ, и только посвященные могли вступать во внутренность храмовъ. Важнѣйшія мистеріи у египтянъ были въ честь Изиды и въ честь Нейтъ. Въ мистеріяхъ. Изиды, конечно, изображалась исторія Озириса, и неумѣренное вниманіе къ *φαλλόζῳ*, о которомъ говоритъ Геродотъ, безъ сомнѣнія намекаетъ на эпизодъ неудачи Изиды въ дѣлѣ отысканія тѣла Озириса. Можетъ быть къ историческому истолкованію обрядовъ въ мистеріяхъ присоединили потомъ и философскій элементъ. По крайней мѣрѣ Нейтъ въ изложеніи Плутарха рекомендуетъ себя такимъ образомъ: „Я все бывшее, настоящее и грядущее, моего покрывала никто не открывалъ, плодъ, рожденный мною, есть солнце“. Въ египетскихъ текстахъ, правда, поздняго времени нахо-

¹⁾ Геродотъ рассказываетъ: *ἐγένετο δὲν τῷ νόμῳ τούτῳ ἐπ' ἐμοῦ τοῦτο τοῦτέρας, γυναικὶ τράγος ἐπίσχετο ἀναφανδόν. τοῦτο ἐς ἐπίδειξιν ἀνθρώπων ἀπέκτετο.*

дится слѣдующая молитва къ Нейтъ: „о великая мать, рожденіе которой непостижимо. О богиня юная, великая, покрывало которой не открывается! Открой твою завѣсу сокровенная, ибо не дано мнѣ пути, чтобы войти къ тебѣ. Явись, прими мою душу и защити ее руками твоими“. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ мистеріяхъ мысль египтянина дѣлала шагъ впередъ въ области философіи религіи, но это не было отрицаніемъ прежней религіи и противоположеніемъ ей новой. Это была таже религія только нѣсколько глубже понятая. Новое пониманіе рехіу (знающіе, посвященные) не спѣшили сообщать сами толпѣ, полагая, что высокія истины не поднимутъ толпы и исказятся и опоздаются въ ея представленіи. Мистеріи были богослуженіями доступными немногимъ. Ежедневный культъ конечно, тоже не привлекалъ многочисленныхъ богомольцевъ. Толпа въ Египтѣ, какъ и вездѣ, знала главнымъ образомъ праздники. Но кромѣ праздниковъ постоянныхъ торжественный культъ вызывался особыми событіями. Начало и окончаніе походовъ, бѣдствія и избавленіе отъ нихъ давали поводъ къ особымъ празднованіямъ. Закладка храмовъ, какъ показываютъ тексты, соединялась съ особымъ ритуаломъ, и въ жертву при этомъ приносились люди, чтобы души ихъ потомъ сторожили зданіе храма. Геродотъ отрицаетъ фактъ человѣческихъ жертвоприношеній у египтянъ, но изъ этого слѣдуетъ только то, что ихъ не было въ его время. Однако восковыя фигуры, о которыхъ говоритъ Порфирій, представлявшія колѣнопреклоненнаго человѣка съ руками назадъ и мечемъ у горла, явно направляютъ мысль на жертву. Обычай строить на крови имѣлъ широкое распространеніе, въ примѣненіи къ городамъ онъ, кажется, существовалъ и въ древней Руси.

Всѣ особенные случаи въ жизни частнаго человѣка требовали особыхъ священнодѣйствій. Такимъ первымъ особеннымъ случаемъ являлось рожденіе. Рожденнаго подвергали особеннымъ омовеніямъ и затѣмъ черезъ нѣкоторое время обрѣзывали, „для очищенія и изглажденія скверны“. Впрочемъ потомъ обрѣзаніе въ Египтѣ перестало быть всеобщимъ и стало отодвигаться къ болѣе зрѣлому возрасту. Въ случаяхъ прикосновенія къ нечистымъ животнымъ требовались омовенія. При болѣзни тоже самыми спасительными средствами признавались жреческія заклинанія и амулеты.

Врачей въ Египтѣ было безчисленное множество и притомъ узкихъ специалистовъ: одни лѣчили только голову, другіе только глаза, но всё главнымъ образомъ надѣялись на Тота и на врачебную магію, а не на врачебную науку. Но главнымъ особеннымъ случаемъ въ жизни человѣка всегда была и останется смерть. Церемоніи, совершавшіяся надъ умершимъ въ Египтѣ, представляли собою дѣйствія, совершенныя надъ тѣломъ Озириса Горомъ и другими богами. Весь египетскій чинъ погребенія представлялъ собою большую книгу. Но для ознакомленія съ его характеромъ достаточно узнать какую либо одну изъ входящихъ въ составъ его церемоній. Важною церемоніею является открытіе рта и глазъ усопшаго, чтобы онъ могъ вкушать погребальную транезу. Церемонія совершалась или надъ муміей или надъ статуей умершаго. Дѣйствующими лицами церемоніи были: завѣдующій, который со свиткомъ въ рукѣ руководилъ всѣмъ, указывалъ участникамъ ихъ мѣста, дѣлалъ жесты, произносилъ или высвистывалъ рѣчи. Вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе домашній, другъ (или замѣститель друга), сынъ, двѣ плакальщицы—одна, представлявшая Изиду, другая—Нефтисъ и масса другихъ фигурантовъ. Но нуждѣ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ являться въ церемоніи въ роли различныхъ божественныхъ лицъ. Дѣйствующихъ лица въ сущности требовалось четыре: Горъ и его три сына—боги четырехъ сторонъ свѣта, которые нѣкогда погребали Озириса и облекли его тѣло въ саванъ. Мумію или статую клали лицомъ на югъ на песокъ, который представлялъ собою бесплодную область запада, потомъ домашній или другъ входилъ на сцену, онъ ходилъ по ней съ кадиломъ, повторяя: ты чистъ, ты чистъ, Озирисъ N и начиналъ предварительныя очищенія водою изъ четырехъ вазъ. „Твоя чистота, говорилъ совершитель жертвоприношенія, есть чистота Гора и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Сета и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Тота и наоборотъ, твоя чистота есть чистота Софу и наоборотъ. Ты принялъ голову и ты очистилъ кости для Себа, Каждый изъ боговъ четырехъ странъ свѣта совершалъ возліяніе надъ умершимъ, чтобы возвратитъ ему употребленіе головы, которое отняло бальзамированіе, и чтобы очистить его кости для удовлетворенія Себа, въ землѣ котораго онъ будетъ покониться. По окончаніи первыхъ возліяній немедленно совер-

шаются вторыя изъ вазъ такъ называемыхъ красныхъ, и домашній или другъ, въ четыре приема обойдя покойнаго, сверхъ прежнихъ формулъ говорилъ: „ты получилъ то, что находится въ глазахъ, Гора и двѣ красныя вазы Тота очищающія тебя отъ того, что не должно существовать въ тебѣ. Жертва, которую приносили умершему, называлась глазомъ Гора. Ее составляли вода, бычья ляшка, вино, молоко, растенія, драгоценный камень, благовоніе, матерія. Очищеніе водою, какъ и многія иныя церемоніи, совершалось два раза, потому, что было два Египта—сѣверный и южный, Египетъ бѣлой и красной короны. Умершій могъ быть обезпеченъ въ своемъ гробѣ только подъ условіемъ имѣть доступъ въ тотъ и другой и располагать въ своей волѣ тѣмъ, что они заключали. Умершему давали пшеницу сѣверную и южную, вино сѣверное и южное и т. д. Послѣ очищенія водою совершается церемонія, съ благовоніями. Сначала домашній или другъ беретъ пять зеренъ южнаго благовоннаго вещества изъ города Ненгабъ (въ древности южнѣйшій изъ египетскихъ городовъ) и пройдя четыре раза вокругъ статуи за обычною формулою: ты чистъ, произносилъ: „благовоніе, которое откроетъ твои уста, Озирисъ N, обоняй благовоніе въ божественныхъ жилищахъ. Это благовоніе—потъ Сета, благовоніе укрѣпляющее, сердце обоихъ Горовъ (т. е. южнаго и сѣвернаго), благовоніе твоихъ устъ, ибо твоимъ ладонемъ совершаютъ очищенія боги слѣдующіе за Горомъ. Хотя въ церемоніи называются Горъ сѣверный и южный, однако затѣмъ таже церемонія съ новыми пятью зернами совершалась по отношенію къ сѣверу. „Твое благовоніе—благовоніе Гора и взаимно, твое благовоніе—благовоніе Сета и взаимно и т. д. Стань среди этихъ боговъ, ибо уста твои также чисты, какъ уста молочнаго тельца въ день его рожденія. Затѣмъ приносились еще благовонія иноземнаго происхожденія. Домашній подносилъ къ устамъ и глазамъ усоншаго по два раза благовонія, одинъ разъ къ рукѣ, потомъ онъ произносилъ свои молитвы: твое благовоніе есть благовоніе Гора..... ты чистъ, ты чистъ, твой двойникъ чистъ, ты благоухаешь, ты благоухаешь. Стань среди твоихъ братьевъ боговъ, ибо голова твоя благоухаетъ, кости чисты отъ всего того, что не должно существовать въ тебѣ. О, Озирисъ N, я далъ тебѣ глазъ Гора (фиміамъ) для того, чтобы украсить имъ твое

лицо, восходи, восходи къ себѣ“. Вслѣдъ за тѣмъ начинается новое дѣйствіе. Домашній человѣкъ или другъ усопшаго вмѣстѣ съ обитателемъ жилища умершаго располагаются около статуи. Домашній ложится на короткомъ ложѣ около статуи. Онъ весь закутывается въ матерію, кулакъ кладетъ противъ кулака, его локти выдаются, онъ спитъ и грезитъ передъ статуею, позади нея стоитъ обитатель послѣдняго жилища умершаго. Тогда показываются завѣдующій церемоніею и живущій внутри. Обитатель гроба кричитъ (4 раза), видя ихъ появленіе: „отецъ“ и будитъ домашняго говоря: я нашелъ живущихъ внутри стоящими у двери. Домашній просыпается и садится на корточкахъ на своемъ ложѣ. Затѣмъ всѣ четверо соединяются, представляя четырехъ дѣтей Гора—боговъ съ головою ястреба, обезьяны, шакала и человѣка, которые одѣвали усопшаго Озириса. Домашній первый прерываетъ молчаніе: словами „я видѣлъ моего отца во всѣхъ его формахъ“. Всѣ трое отвѣчаютъ ему, указывая на статую: „не здѣсь ли твой отецъ?“ Домашній отвѣчаетъ, дѣлая намекъ на Озириса: богъ, лицо котораго покрыто и который закутанъ въ свои погребальныя повязки, богъ, лицо котораго покрыто плетеньемъ“. Всѣ повторяютъ слова: „я видѣлъ моего отца во всѣхъ его формахъ“. Домашній говоритъ далѣе объ усопшемъ, что нѣтъ волненія въ немъ. Масперо толкуетъ это темное выраженіе въ томъ смыслѣ, что усопшій не имѣетъ тѣни. Лежащій послѣ смерти онъ не отражался, но теперь онъ долженъ начать новую жизнь, и ему нуженъ его двойникъ, душа, свѣтящееся начало или имя, или тѣнь. Тѣнь призывается теперь. Статуя, какъ и умершій, становится чистою. Начинается новая фаза церемоніи. Домашній облачается въ нѣчто въ родѣ ефода, надѣваетъ брыжжи изъ стекла или изъ драгоценныхъ камней. Его три товарища теперь называются стражами тѣла, а всѣ четверо они—дѣти Гора. Домашній приближается къ статуѣ и привѣтствуетъ ее жезломъ: я желалъ моего отца, я припесъ жертву моему отцу, я сдѣлалъ его великое изображеніе, онъ продолжаетъ и всѣ подхватываютъ: „вотъ, что полезно моему отцу“. Одинъ изъ стражей: „устрой ему голову“. Всѣ: „порази твоего отца“. И съ этими словами приближаются къ статуѣ и прикасаются къ ней орудіями, при помощи которыхъ должны открыться ротъ и глаза усоп-

шаго. „И пришелъ, говоритъ домашній, для того, чтобы обнять тебя, я—Горь, я коснулся твоихъ усть, я, Горь, твой сынъ, который тебя любитъ“. Съ палкою въ лѣвой рукѣ онъ поднимаетъ правую руку къ головѣ статуи, касается мизинцемъ ея усть и потомъ становится позади нея, между тѣмъ какъ остальные трое становятся на его мѣсто. Дальше домашній преображается въ Гора, сына умершаго, который обязанъ отдать послѣдній долгъ отцу. Ему говорятъ: иди, взгляни на своего отца. Онъ снимаетъ съ себя прежнія инсигнии, облачается въ шкуру пантеры и становится сзади статуи, но далѣе онъ является уже не Горомъ, а слѣдующимъ за Горомъ. Роль Гора принимаетъ на себя завѣдующій церемоніей. Онъ возвѣщаетъ, что скоро будетъ принесена жертва словами: „я освободилъ мой глазъ изъ его усть и я приготовилъ ему бедро.“ Эти слова указываютъ на одинъ изъ эпизодовъ борьбы Сета съ Горомъ. Сетъ, превратившись въ свинью, схватилъ глазъ, который заключалъ въ себѣ душу Гора, и хотѣлъ его проглотить. Но Горь спасъ свой глазъ. Послѣ побѣды надъ Сетомъ его сторонники спрятались въ тѣлахъ птицъ, четвероногихъ и рыбъ. Найденные они всѣ были обезглавлены. Погребальная жертва представляла собою повтореніе этой сцены убійства. Убивая животныхъ, убивали враговъ Озириса. Принесеніе жертвы совершалось наружи и для жертвоприношенія статую усопшаго оставляли на нѣкоторое время одну. Быковъ вѣроятно закалывали и готовили уже ранѣе. Управляющій церемонією приводитъ домашняго къ животному, помѣщаль у ногъ великой плакальщицы, которая представляла собою Изиду и кричалъ: „домашній! схвати быка полудня“. Домашній совершалъ тогда симуляцію убіенія быка, затѣмъ отрубались головы газелямъ, закалывался гусь. Мясникъ давалъ ляшку завѣдующему церемоніей, сердце другу и они бѣжали тогда съ этими частями къ статуѣ, клали полученныя части передъ богомъ и завѣдующій говорилъ: „я принесъ тебѣ бедро, глазъ Гора, я принесъ тебѣ сердце твоего врага. Пусть не нападутъ болѣе на этого бога. Я принесъ тебѣ газель, которая напала на тебя. Я отрѣзалъ ей голову. Я принесъ тебѣ гуся, отрѣзавъ ему голову. Затѣмъ начиналась церемонія открытія усть. Для этой цѣли употреблялись два специальныя

орудія, называвшіяся два божественныя (нутрити) тесла; ихъ впервые употребилъ Анубисъ при погребеніи Озириса и затѣмъ еще цѣлая серія инструментовъ. Возлагая эти орудія на уста статуи, домашній говоритъ: „твои уста были всегда замкнуты, я привелъ ихъ въ такое-же положеніе, какъ и твои зубы, статуя Озириса N, я раздѣлилъ твои уста, статуя Озириса N, я открылъ твои глаза, статуя Озириса N, я раздѣлилъ твои уста тесломъ Анубиса, я открылъ твои уста тесломъ Анубиса, желѣзной ляшкою (форма тесла), которою раздѣляютъ уста боговъ. Горь, открой уста статуи Озириса N.... Ты открылъ уста статуи Озириса N, пусть онъ проходитъ и уходитъ, пусть его тѣло будетъ съ великою девятирицею боговъ въ великомъ храмѣ владыки, который въ Геліополисѣ, и пусть онъ тамъ приметъ діадему подлѣ Гора—владыки людей. Обитатель погребальнаго жилища полагаетъ конецъ этой молитвы четырехъ-кратнымъ крикомъ: „отецъ, отецъ“. Губы и рѣсницы теперь раздѣлены, но рана еще не зарубцовалась. Нужны новые обряды для того, чтобы усопшіи могъ дѣйствовать. На сцену является новое орудіе — оприкау (металлическая фигура въ формѣ змѣя, оканчивающаяся головою барана, надъ которою поднимается ugaeus—змѣя). Завѣдующій церемоніею говоритъ.... „статуя Озириса N, Нуть подняла тебѣ голову, тогда Горь взялъ свою діадему и свои доблести, тогда Сеть взялъ свою діадему и свои доблести, тогда діадема сошла съ твоей головы, привела къ тебѣ всѣхъ боговъ, ты плѣнилъ ихъ, ты заставилъ ихъ жить, ты сталъ сильнѣйшимъ, ты проводишь жизнь съ ними, позади статуи этого Озириса N. Да будетъ онъ счастливъ и недвижимъ. Ты смѣшался съ двойниками всѣхъ боговъ. И когда ты поднимаешься, царь верхняго Египта, когда ты поднимаешься, царь нижняго Египта, владыка между всѣми богами и ихъ двойниками, тогда Шу, сынъ Атму, становится Озирисомъ N. Если живетъ онъ, живешь ты. Онъ вооружилъ тебѣ Шу, онъ призвалъ Шу, онъ возбудилъ Шу, онъ сдѣлалъ тебя властелиномъ Шу и ты проводишь свою жизнь позади статуи Озириса N. Пусть твоя жизненная доблесть будетъ позади него, пусть онъ живетъ и будетъ недвижимъ. Статуя Озириса N, Горь раздѣлилъ тебѣ уста.... Молитва оканчивается четырехкратнымъ восклицаніемъ обитателя погребальнаго жилища: „отецъ, отецъ“. Постѣ окон-

чанія первой жертвы немедленно начиналась вторая. Глаза и уста усопшаго были открыты, но глаза еще были тусклы и безцвѣтны, челюсти сжаты и не дѣйствовали свободно. Въ нихъ нужно вдохнуть жизнь и имъ нужно дать новыя силы. Выступаютъ новыя лица, но буквально повторяются прежнія сцены. Тѣже рѣчи объ устахъ и глазахъ, только появляется еще новый амулетъ — раздѣлитель челюстей. Завѣдующій церемоніей приноситъ его въ обѣихъ рукахъ и приставляетъ къ устамъ статуи. „Озирись N, говорилъ онъ, я прочно укрѣпилъ твои двѣ челюсти въ твоемъ лицѣ и вотъ онѣ раздѣлены“. Умершій могъ теперь разжевывать то, что ему предлагали, завѣдующій говорилъ домашнему: „приблизь зерна къ его устамъ“. Тотъ приноситъ корзинку или вазу съ чемъ-либо-зернами, масломъ, сыромъ: „Озирись N, тебѣ подносятъ глазъ Гора, чтобы ты взялъ, и пусть онъ не ускользнетъ отъ тебя, когда ты возьмешь зерно въ твои уста“, послѣ этого домашній обмахивалъ четыре раза лицо статуи страусовымъ перомъ, говоря: „глазъ Гора предсталъ предъ тобою, Озирись N, чтобы твое лицо не было лишено его“. Далѣе второй жертвѣ предшествуютъ тѣже церемоніи, что и первой, но только предъ самымъ жертвоприношеніемъ жрецы прежде, чѣмъ уйдти, разрѣшаютъ сыну взять отпускъ у отца и проститься съ нимъ. Домашній или другъ бралъ его правою рукою, а лѣвою заставлялъ склонить голову передъ статуею и затѣмъ со всею поспѣшностію повергалъ предъ статуею на землю и передавалъ амто (значеніе лица неизвѣстно), который выводилъ его изъ погребальнаго покоя. Второе жертвоприношеніе было совершеннымъ повтореніемъ перваго, только слово „югъ“ замѣнялось словомъ „сѣверъ“ — быкъ сѣвера, газель, гусь сѣвера, и на мѣсто великой плакальщицы Изиды становилась малая плакальщица Нефтисъ. Буквальное повтореніе первой жертвы—вторая кончалась тѣмъ же восклицаніемъ „отецъ, отецъ!“ каждое слово, жестъ, движеніе, все въ этой длинной церемоніи было точно предусмотрено, опредѣлено, регламентировано. Между тѣмъ эта церемонія была только однимъ изъ моментовъ въ длинномъ ряду религиозныхъ попеченій живыхъ объ умершемъ.

Таковъ былъ тотъ сложный культъ, въ которомъ воспитывался древній египтянинъ, который охватывалъ его всю жизнь и который провожалъ его за могилу. Трудно въ не-

многихъ словахъ охарактеризовать этотъ грандіозный ритуаль, который вырабатывался тысячелѣтіями и который подъ своей обычно драматической формой скрываетъ все то, что выработала мысль и пережило чувство египтянина въ теченіи этихъ тысячелѣтій. Мы видимъ въ обрядовыхъ формулахъ метафизическіе (характеристика Нейтъ), космогоническіе и теогоническіе элементы. Нельзя отказать имъ въ присутствіи моральнаго элемента. Трогательныя заботы Гора объ усопшемъ отцѣ говорятъ о чисто нравственномъ сыновнемъ чувствѣ. Посмертный судъ надъ усопшими говоритъ тоже о высокомъ этическомъ пониманіи. Но рядомъ съ этими элементами выступаютъ иные. Въ обрядахъ открывается механической и магической характеръ. Строго разработанная теорія обряда не оставляетъ никакого мѣста для свободнаго порыва чувства, напротивъ, центръ тяжести упорно переносится на искусное, а иногда и искусственное выполнение предписаній. Важны не чувство, не настроенность, производящія дѣйствія, а то, чтобы дѣйствія были произведены. Ихъ можно производить и механически, и въ Египтѣ были орудія, аналогичныя буддінскимъ молитвеннымъ мельницамъ, которыя за людей совершали молитвенныя дѣйствія и умиротворяли боговъ. Еще болѣе, чѣмъ механической, въ Египтѣ выдвигается магической характеръ культа. Постоянно-заклинанія и заклинанія, и сила ихъ такова, что они составляютъ заклинаемаго въ рядъ боговъ или отождествляютъ съ богами.

7.

Религія египтянъ была предметомъ особеннаго вниманія уже для древнихъ грековъ. Геродотъ считалъ египтянъ религіознѣйшими изъ всѣхъ народовъ, и если изслѣдованія послѣдняго времени разсѣяли, какъ заблужденіе, представленія древнихъ о мудрости египтянъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они дали громадныя новыя матеріалы для изученія ихъ религіи. Открытіе чтенія іероглифовъ дало ключъ къ пониманію первоисточниковъ египетской религіи. Открытая съ тѣхъ поръ обширная египетская литература оказалась на ⁹/₁₀ религіознаго содержанія, но она получается въ испорченномъ видѣ, частію оказывается неудобочитаемой, частью и ключъ

къ ея чтенію доселѣ еще далеко не совершенъ, вслѣдствіе чего и теперь свидѣтельства древнихъ грековъ о египетской религіи оказываются имѣющими значеніе и вмѣстѣ съ новопрочитанными папирусами и надписями и при свѣтѣ этихъ послѣднихъ расширяютъ наши представленія о религіознѣйшихъ людяхъ древности. Библия, ассиро-вавилонскія лѣтописи, азіатскія надписи уже даютъ намъ свѣдѣнія о египетской религіи, но первымъ трактовавшимъ о ней подробно является Геродотъ. (485—425 г. Р. Х.). Онъ видѣлъ Египетъ еще не утратившимъ самобытнаго характера. Не все въ египетской религіи онъ понялъ и истолковалъ правильно, но въ общемъ его свѣдѣнія драгоцѣнны и нѣкоторыя изъ нихъ становятся намъ понятнымъ именно при свѣтѣ новѣйшихъ открытій. Вотъ почему напримѣръ, египтологъ Видеманъ счелъ нужными издать его вторую книгу (въ 1890 г.). Затѣмъ свѣдѣнія о Египтѣ даетъ Гекатеѣ Абдеритъ въ своихъ *Αἰγυπτιακά* (въ послѣдней четверти IV в. до Р. Х.). Первый на основаніи египетскихъ первоисточниковъ далъ египетскую исторію на греческомъ языкѣ Манетонъ (жилъ въ первую половину III в. до Р. Х.). Его схема египетской религіи до сихъ поръ служитъ основой, которую принимаютъ египтологи и, благодаря которой, у нихъ имѣется хотя условно сходное представленіе о послѣдовательномъ ходѣ судебъ Египта. Но исторія Манетона, равно какъ и его другіе труды—противъ Геродота, о праздникахъ—не дошли до нашего времени, ихъ приходится извлекать изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ. Изъ нихъ дѣлали извлеченія Юсіфъ Флавій, Африканъ, Евсевій, но и эти извлеченія дошли до насъ черезъ Георгія Синкелла, армянскій переводъ Евсевія и excerpts Barbari. Эратосенъ книдскій (275—194) далъ списокъ египетскихъ царей (въ своихъ *χρονογραφίαι*) Агааркидъ книдскій (кон. II в.) составилъ „перикль эритрейскаго моря“. Полибій (212—123), бывшій въ Египтѣ при Птоломѣѣ V и слѣдующихъ, въ своей міровой исторіи далъ объ александрійцахъ свѣдѣнія очевидца. Діодоръ Сицилійскій (современникъ Юлія Цезаря и Августа) первыя книги своей обширной *βιβλιοθηκῆς* — исторіи всѣхъ странъ и народовъ посвятилъ Египту. Полагаютъ, что источникомъ для египетской исторіи у него служилъ Гекатеѣ Абдеритъ. Недостатокъ критичности, рѣзко выступающій у Діодора, привелъ нѣкото-

рыхъ къ гипотезѣ, что его произведенія дошли до насъ не въ подлинномъ, а въ переработанномъ видѣ. Замѣчательнѣйшимъ памятникомъ греческой литературы, посвященнымъ египетской религіи, является трактатъ Плутарха Херонейскаго (46—120 по Р. X.) *De Iside et Osiride* (лучшее издание съ комментаріями опирающимися на данныя египтологин принадлежитъ G. Partey. 1850). Наконецъ, у Климента Александрійскаго (II—III вв. по Р. Хр.) въ его *Stromateis* находятся цѣнныя указанія по египетской религіи. Писали и многіе другіе о Египтѣ и его религіи, но до насъ отъ нихъ не дошло ничего имѣющаго какую-либо цѣнность; изъ названныхъ писателей только послѣдній Климентъ относится строго отрицательно къ египетской религіи; напротивъ, его языческіе предшественники не прочь поставить въ примѣръ своимъ греческимъ соотечественникамъ благочестіе жителей нильской долины: ищущій фактической точности Геродотъ и влюбленный въ римскіе порядки прагматистъ Полибій и философствующій Плутархъ—не говоримъ уже о египетскомъ жрецѣ Манетонѣ—всѣ платятъ нѣкоторую дань почтенія съдой и священной древности Египта.

До девятнадцатаго столѣтія европейскія представленія о египетской религіи составлялись на основаніи названныхъ писателей. Но когда гениальный Шампольонъ нашелъ ключъ къ чтенію іероглифовъ, въ рукахъ европейцевъ появились и съ каждымъ днемъ умножаются документы о египетской религіи, современные описываемымъ имъ религіознымъ формамъ и ученіямъ. Важнѣйшимъ и наиболѣе изученымъ изъ документовъ является книга мертвыхъ. На нее обратилъ вниманіе уже Шампольонъ и назвалъ ее погребальнымъ требникомъ; названіе „книги мертвыхъ“ первый усвоилъ ей Лепсіусъ, который и издалъ ее въ 1842 г. Собственно и это названіе не отвѣчаетъ ея египетскому имени, но хорошо отвѣчаетъ ея содержанію. У египтянъ, мы видимъ, съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай на стѣнахъ могиль и гробницъ писать тексты, которые могли бы руководствовать душу въ ея загробныхъ странствованіяхъ. Въ послѣдствіи такіе руководительные тексты, написанные въ свиткѣ, полагались съ умершимъ или даже влагались ему въ руки. Съ теченіемъ времени эти тексты и варіировались и разро-стались. Въ общемъ это — сборникъ пѣснопѣній и молитвъ,

изъ которыхъ одни даютъ человѣку общія свѣдѣнія объ участи ожидающей его за гробомъ, другія прилагаются къ частнымъ случаямъ загробнаго существованія. Это, такъ сказать, гидъ по загробному міру. По египетски этотъ гидъ или книга мертвыхъ называется: „книга о перть эмъ геру“. Бругшъ переведилъ эти слова: выходъ въ теченіе дня. Навиль въ своемъ замѣчательномъ изданіи *Das aegyptische Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastie* 1886. перевелъ: выходъ изъ дня. Повидимому это заглавіе относится только къ началу книги, именно къ первымъ 15 главамъ. Въ развитіи ея отмѣчаютъ три главныхъ періода: 1) древнюю эпоху, 2) египетскую (изданіе Навиля) и 3) Псамметиховъ и послѣдующихъ. Можно отмѣтить содержаніе нѣкоторыхъ главъ этой замѣчательной книги-библии египтянъ, какъ ее называютъ нѣкоторые. 15 глава содержитъ гимны въ честь солнца, считающіеся наилучшими. 17 глава представляетъ собою цѣльную теогоническую и космогоническую систему. Она начинается: „когда еще не было неба, когда еще не было земли, когда еще не было людей и не родились боги и не существовало смерти“, единое Ну существовало, водное начало всего и въ этой первобытной водѣ Туму отецъ боговъ. День творенія приблизился, Шу поднялъ воды... (Шу отъ корня шу—поднимать). 27 глава говоритъ о возвращеніи сердца умершему, 44-я глава наставляетъ, какъ не умереть во второй разъ 64-я глава въ краткомъ видѣ содержитъ въ себѣ все, что содержитъ книга мертвыхъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ она носитъ заглавіе: „глава излагающая въ одной главѣ всѣ главы объ исходѣ дня“. 125 глава описываетъ судъ и произнесеніе приговора надъ умершимъ предъ трибуналомъ Озириса, 130-ая глава и слѣдующія за ней описываютъ вступленіе усопшаго въ лодку Ра и совмѣстное путешествіе съ Ра, 180 содержитъ въ себѣ заключительныя литаніи, привѣтствующія солнце при его заходѣ и вступленіи въ подземную область. То обстоятельство, что книга мертвыхъ влагалась въ руки усопшимъ, не устранило обычая выписывать отдѣлы изъ нея на стѣнахъ гробницъ. Содержаніе книги мертвыхъ или ея отдѣловъ иногда повторяется и въ другихъ документахъ. Такъ, наприм., оправдательная исповѣдь „книги о вздохахъ“, употреблявшейся у жрецовъ и жрицъ Амона, очень близко напо-

минаетъ 125 главу книги мертвыхъ. Изъ другихъ документовъ важныхъ для изученія египетской религіи и въ настоящее время прочитанныхъ должны быть названы: книга о томъ, что находятъ въ царствѣ мертвыхъ, книга о вратахъ царства мертвыхъ, книга о бальзамированіи, книга о погребеніи, обрядникъ жертвъ за умершихъ. Изъ этого обрядника сдѣланы сокращенныя извлеченія въ предшествовавшей главѣ настоящаго трактата. Имѣются еще книги о происхожденіи вѣчности, скорбныя пѣсни Изиды и Нефтисъ. Найдена цѣлая серія магическихъ сочиненій (наприм. папирусъ Гарриса). Раскопки въ Тель-эль-Амарна освѣтили въ религіозномъ отношеніи эпоху Аменготена IV. Даже въ описаніяхъ походовъ, въ трактатахъ по медицинѣ, въ сочиненіяхъ нравоучительныхъ и беллетристическихъ, ибо беллетристика (наприм., романъ о двухъ братьяхъ) существовала въ древнемъ Египтѣ, находятся религіозные элементы, которые могутъ помогать въ выясненіи вопросовъ относительно египетской религіи. Религіозное прошлое Египта встаетъ изъ гробницъ и изъ подъ разваливъ, но было-бы ошибочно думать, что новая наука разгадала религіозныя тайны стараго царства. Многія открытія, напротивъ, скорѣе умножили число недоумѣній и загадокъ, чѣмъ разрѣшили ихъ. Нѣкоторыя религіозныя церемоніи древняго Египта, благодаря новымъ открытіямъ, могутъ быть воспроизведены съ скрупулезною точностію, но смыслъ ихъ часто остается темень.

8.

Пытаются дать исторію развитія египетской религіи. Совершить полное построеніе такой исторіи доселѣ не удалось никому, но отмѣчено много частныхъ фактовъ въ этой исторіи и высказано немало цѣнныхъ заключеній. На предыдущихъ страницахъ уже не разъ указывался историческій ходъ развитія того или другаго вѣрованія, теперь естественно заключить разсужденіе о египетской религіи разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ моментовъ ея развитія въ ея цѣломъ. Во время непосредственно предшествовавшее первымъ династіямъ, отъ которыхъ у насъ имѣются памятники, повидимому многія божества, которыя были потомъ объеди-

нены въ семьи и соподчинены между собою, почитались отдѣльно. Такъ Изиды почиталась въ Буто отдѣльно отъ Озириса, почитавшагося въ Абидосѣ. Горъ еще не выступалъ въ качествѣ ихъ сына, былъ Горъ древній — богъ солнца, совершенно самостоятельный. Сетъ еще не противопоставлялся безусловно Озирису. Повидимому господствовалъ культъ Ра. Ученіе о загробномъ издвоздожаніи въ эту эпоху не заключало въ себѣ суда Озириса. Умершій спасался силою дѣлъ, жертвъ и заклинаній безъ всякой юридической процедуры. Его ожидалъ божественный удѣлъ въ общеніи съ Ра, а не съ Озирисомъ. Такъ было въ эпоху древняго царства. Затѣмъ два ряда фактовъ шедшихъ изъ далеко отстоящихъ одна отъ другой областей, должны были измѣнить содержаніе религіи. Происходило политическое объединеніе номовъ Египта и вмѣстѣ съ тѣмъ развивавшаяся философская мысль жрецовъ стремилась привести къ объединенію и согласію разнорѣчивые мнѣя и вѣрованія египтянъ. Тогда началась разработка того, что дало потомъ содержаніе семнадцатой главы мертвыхъ, и эта богословская работа шла такъ энергично, что къ эпохѣ двѣнадцатой династии 17 глава оказывается снабженною тройнымъ рядомъ примѣчаній. Вскорѣ послѣ этого въ Египтѣ начинаются неурядицы, волненія, которыми пользуются азіатскіе народы, названные Манетомомъ гиксами, которые вступаютъ въ Египетъ и овладѣваютъ имъ. Главнымъ божествомъ гиксовъ и вмѣстѣ хетеевъ, которые повидимому представляли преобладающій элементъ среди гиксовъ, былъ Сутехъ. Гиксы вообще приспособились и къ египетской культурѣ и къ египетской религіи, но за всѣмъ тѣмъ фараоны изъ гиксовъ стремились своихъ боговъ поднять выше египетскихъ, и это повело къ паденію и изгнанію гиксовъ. Апени хотѣли принудить египтянъ поклоняться Сутеху, котораго они отождествляли съ Сетомъ. Началась борьба туземцевъ съ пришельцами, и гиксы были изгнаны вмѣстѣ съ ихъ богами. Послѣ этого начинается цвѣтушій періодъ Египта. Фараоны предпринимаютъ походы въ Азію и приводятъ оттуда не только плѣнныхъ людей, но и Ваала и Решуфа (финикійскаго и кипрскаго бога войны). Низшіе слои населенія, на которыхъ война ложилась только своими тяготами, всѣхъ этихъ новыхъ боговъ соединили съ Сетомъ. Между тѣмъ

богатая военная добыча, жертвовавшаяся въ значительной части на храмы, крайне усиливала могущество жерцовъ. Они были освобождены отъ повинностей, имѣли могущественныя права и громадныя владѣнія. Изъ этихъ владѣній они сдѣлали, такъ сказать, духовный ленъ и поставили его подъ управленіе „супруги бога“, т. е. Амона-Ра. Съ „духовнымъ леномъ“ пришлось считаться фараонамъ. Удобный *modus vivendi* создавался вслѣдствіе того; что фараоны женились на „супругѣ бога“. Но этотъ *modus vivendi* разстроился при Аменхотепѣ IV. Его отецъ Аменхотепъ III женился на нахаринской (изъ Азіи) принцессѣ Ти, которая принесла съ собою культъ солнечнаго диска — Атень, отказалась поклоняться Амону-Ра и воспитала своего сына въ своей вѣрѣ. Аменхотепъ IV оставилъ Фивы съ ихъ Амономъ и основалъ на восточномъ берегу Нила городъ, современная деревушка на мѣстѣ котораго называется Тель-Эль-Амарна. Атень былъ привозглашенъ творцомъ и промыслителемъ міра. Аменхотепъ перемѣнилъ свое имя и назвалъ себя Хунатепъ (сіяніе Атена-солнечнаго диска). Всѣ правительственныя учрежденія были перенесены въ новую резиденцію. Какъ смотрѣть на эту религіозную реформу? Она совершилась повидимому легко. Это значить, что Аменхотепъ не былъ одинокъ и имѣлъ приверженцевъ и что предложенная имъ реформа не оказалась чѣмъ-то дикимъ и кощунственнымъ для египтянъ. Замѣчательно, что верховный жрецъ Атень носитъ тотъ же титулъ, что и верховный жрецъ Гелиополиса. Самого Атена иногда называютъ Ра, иногда Горомъ обоихъ горизонтовъ. Трудно высказать, что-либо рѣшительное объ этомъ предметѣ, но позволительна вотъ какая догадка. Можетъ быть рефлектирующее мышленіе ко времени Аменхотепа пришло къ полному объединенію боговъ и къ поглощенію ихъ въ одномъ, этотъ богъ по своимъ свойствамъ есть древній богъ солнца, но Аменхотепъ и многіе находили неудобнымъ оставить за нимъ имя Амона-Ра во 1) потому, что съ именемъ послѣдняго связывалось представленіе и о свойствахъ чуждыхъ единому богу,—это-теоретическая сторона, — и во 2) потому что поглощеніе всѣхъ боговъ въ Амонъ было бы новымъ торжествомъ жрецовъ Амона, могущество которыхъ уже и такъ становилось опаснымъ для царской власти. Это—практическая сторона. Подобныя соо-

браженія можетъ быть и заставили Аменхотена провозгласить почитаніе въ сущности тому же Амону, но только подъ новымъ именемъ и на новомъ мѣстѣ. Можетъ быть въ исторіи развитія египетской религіи это былъ моментъ ея наибольшаго приближенія къ монотеизму. Мнѣнія Піэрэ, Ленормана, что египетская религія въ началѣ была монотеистической, и что процессъ ея роста былъ процессомъ ея духовнаго паденія, теперь едва ли можетъ быть принято. Какъ ни возвышенны древнѣйшія выраженія египтянъ о божествѣ, они имѣютъ около себя фактъ множества боговъ. Между тѣмъ ученіе 17 гл. книги мертвыхъ объ одномъ, единомъ существовавшемъ сущностью, принадлежитъ во всякомъ случаѣ не первому династіямъ. Вотъ, почему позволительно думать, что процессъ развитія египетской религіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — не говоримъ: во всѣхъ — былъ процессомъ роста ея метафизическихъ и моральныхъ элементовъ. Но самый этотъ ростъ былъ неравномѣренъ и неправиленъ. Нашествіе гиксовъ задержало его и можетъ быть насильственное поднятіе его на кульминаціонную высоту Аменхотепомъ IV положило ему конецъ. Въ интересахъ жрецовъ было противодѣйствовать новому культу и они добились того, что преемникъ Аменхотепа примирился съ нимъ. Вскорѣ затѣмъ, основавшій девятнадцатую династію Горемигбъ официально возстановилъ культъ Амона. Затѣмъ идетъ долгій періодъ не официальнаго и официальнаго господства Ѣвванскихъ жрецовъ. Временно возникаетъ Ѣвванская теократія, и весь Египетъ становится, такъ сказать, духовнымъ леномъ. Затѣмъ Египетъ опять волнуютъ внутреннія смуты и внѣшніе враги. Новый періодъ въ жизни Египта вообще и особенно въ религіозной жизни начинается съ двадцать шестой династии, основатель которой Псамметихъ утвердилъ свою столицу въ Саисѣ. Отсюда эта эпоха носитъ имя саисской. Псамметихъ утвердился въ Египтѣ, опираясь на иностранцевъ; и съ его времени въ Египетъ устремляются евреи, греки, финикіяне. Всѣ эти народы несутъ сюда свои вѣрованія и свои культуры, и семитическія божества смѣшиваются съ египетскими. Даже и греческіе боги начинаютъ проникать въ египетскій пантеонъ. Но само правительство пытается сообщить исторіи совсѣмъ иное теченіе. Съ религіозной точки зрѣнія саисская эпоха есть поворотъ ко времени пирамидъ. Воз-

становляются и вводятся въ употребленіе погребальныя обряды царей четвертой династіи, снова начинаютъ употребляться древніе титулы царей, религіозное искусство возвращается къ архаическимъ формамъ. Но какъ попытка Аменхотепа поднять египетскую религію до монотеизма, такъ и попытка Псамметиха и его преемниковъ возвратить ее къ древнимъ традиціямъ кончилась крушеніемъ. Иностранцы и иностранныя вѣрованія все болѣе и болѣе профильтровывались въ нѣкогда замкнутую страну чудесъ. Наконецъ Камбизъ послѣ завоеванія Египта (525 г. до Р. Х.) принялъ имя Месуть-Ра (сынъ Ра) и жрецомъ Учагоромъ былъ посвященъ въ мистеріи Нейтъ. Что это не было торжествомъ египетской религіи, объ этомъ свидѣтельствуеетъ все дальнейшее поведеніе Кальбиза. Онъ убилъ Аписа и многократно проявлялъ крайнее неуваженіе къ египетской религіи. Камбизъ явился и послѣдователемъ и преслѣдователемъ египетской религіи. Онъ знаменуетъ собою начало новой и важной религіозной эпохи въ Египтѣ, въ которомъ теперь арійцы открыто вступаютъ въ сношенія и связи съ хамитами и семитами. Этотъ новый важный періодъ можетъ быть понятъ лишь послѣ изученія, состоянія арійскихъ религіи къ концу VI в. до Р. Х.

С. Глаголевъ.
